

— Къ слову?.. Нѣтъ, ты мнѣ скажи, чѣмъ онъ плохъ?.. Не сѣмѣетъ нешто разсудить, думаешь?.. Да онъ лучше твоего разсудить, не-бось!..

— Да я ничего, я только то-ись про себя мекаю... А ну-те къ яду, отвяжись ты совсѣмъ! — внезапно озлобляется скептикъ.

— Ваську, Ваську Пузанкина! — поддерживаютъ Парфена челоѣкъ пять сторонниковъ Пузанкина, только-что распившихъ три полштофа на его, Пузанкина, счетъ!..

Иванъ Моисѣичъ безмолвствуетъ. Онъ свое дѣло сдѣлалъ, своихъ двухъ кандидатовъ (Колесовъ ему сватъ, а Дубовый — пріятель сосѣдъ) провелъ, а до другихъ ему дѣла нѣтъ... Но тутъ мое вниманіе отвлекается другой группой избирателей.

— Конаться, вотъ что! Иначе никакъ нельзя...

— И чудакъ же ты, братецъ мой!.. Вѣдь прошлымъ годомъ нашъ надгоренскій Тимоха отходилъ, теперь вашему троичному чередъ...

— Ладно, толкуй Захаръ съ бабой!.. А позапрошлымъ годомъ опять-таки нашъ Андруха ходилъ?.. А душъ-то у васъ сто со-рокъ, а у насъ сто пятнадцать, — вотъ и нѣтъ никакого разсчета намъ съ вами наравнѣ чередоваться — душъ-то у васъ побольше...

— Ну, шутъ съ тобой, конайся, коли такъ!..

— Живеть! Такъ на слѣдующій годъ опять вашъ, надгоренскій будетъ, а нонѣ кому достанется?.. Такъ что ли, старички?..

— Такъ, такъ!.. Кому-жъ конаться?..

— Ну, у насъ опричь тебя, Фролушка, некому быть, — ты здѣсь одинъ отъ трехъ душъ. Конайся ты! А у васъ кто будетъ?

— Да у насъ вотъ Игнатъ Мартынычъ.

— Эхъ, сватъ, лучше бы ужъ тебѣ; старъ я сталъ, пора бы и на покой.

— Вотъ-та! Намъ стариковъ-то и надо, которые насъ бы уму-разуму по-старински учили... Такъ-то. Походишь, не-бось, не умрешь!.. А умрешь, все почетнѣе поминать будутъ! судьей былъ, скажутъ... хо, хо!..

— Охъ, не хотѣлось бы мнѣ!.. — продолжаетъ упираться старикъ, но легонько подталкиваемый сзади сватомъ, придвигается къ кандидату „противной партіи“, Фролушкѣ, и берется съ нимъ за кнутовище: чья рука придется, при послѣдовательномъ перемѣщеніи ихъ къ противоположному концу кнутовища, тотъ, значить, и судья... Судьба оказалась милостива на этотъ разъ къ Игнату Мартынычу и опредѣлила въ судьи Фролушку, развесе-лаго малаго лѣтъ тридцати-трехъ, четырехъ.

А вотъ и еще одна группа, привлекавшая мое вниманіе.